

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

Геннадий АШИН

Смена элит

Для элитолога нет вопроса, с чего начинать анализ той или иной политической системы. Ответ неизменен: с анализа элиты. А исследование трансформации политсистемы — со смены элит. У такого подхода есть определенные основания. Однако когда многие элитологи вслед за Г. Москвой добавляют, что анализ политсистемы сводится к анализу элиты, что политическая трансформация общества сводится к трансформации и смене элит, они обнаруживают односторонность, недооценку роли неэлитных сегментов общества, прежде всего народных масс, в политическом процессе. Не разделяя подобных крайних суждений, признаем, однако, что характер, состав и ориентации правящей элиты — важнейший элемент политической системы, определяющий ее качество.

Радикальные перемены последних лет в нашей стране (политические, экономические), которые многие политологи называют революционными, с неизбежностью требуют смены политических элит. В настоящей статье я ограничусь следующими проблемами: насколько тесно трансформация политической системы — от тоталитарной к демократической — связана с трансформацией элит; произошла ли в России и в других странах СНГ смена типов политической элиты или же дело ограничилось лишь персональными изменениями, когда ряд представителей старой элиты, почувствовав изменение политической конъюнктуры, поспешили сменить вывеску и из партократов чудесным образом превратились в «демократов».

Итак, происходит ли процесс смены элит? Подчиняется ли этот процесс каким-то общим закономерностям? Прежде чем ответить на эти вопросы, обратимся к существующим политологическим концепциям, трактующим данную проблему.

Теория кругооборота элит. Почти столетие назад итальянский социолог и экономист В. Парето сформулировал теорию кругооборота (циркуляции) элит, объясняющую, по его мнению, социальную динамику. Неизбежность деления общества на управляющую элиту и управляемые массы он выводил из неравенства индивидуальных способностей людей. Социальная система стремится к равновесию и при выводе ее из такого состояния с течением времени возвращается к нему. Процесс этот образует социальный цикл, течение которого зависит прежде всего от циркуляции элит. Они «возникают в низших слоях общества и в ходе борьбы поднимаются в высшие, там расцветают и в конце концов вырождаются и исчезают... Этот кругооборот

Ашин Г. К. — доктор философских наук, профессор Московского института международных отношений.

элит является универсальным законом истории»¹. Качества, обеспечивающие элите господство, меняются в ходе цикла социального развития, поэтому меняются и сами типы элит. История оказывается «кладбищем аристократии».

По Парето, существуют два главных типа элит, которые последовательно сменяют друг друга. Первый тип — «львы», для них характерен крайний консерватизм, грубые «силовые» методы правления. Второй тип — «лисы», мастера демагогии, обмана, политических комбинаций. Стабильная политическая система характеризуется преобладанием элиты «львов». Напротив, неустойчивая политсистема требует элиты прагматически мыслящих энергичных деятелей, новаторов, комбинаторов. Постоянная смена одной элиты другой — результат того, что каждый тип элит обладает определенными преимуществами, которые, однако, с течением времени перестают соответствовать потребностям руководства обществом. Поэтому сохранение равновесия социальной системы требует постоянного процесса замены одной элиты другой, по мере того как перед элитами возникают повторяющиеся социальные ситуации.

Общество, в котором преобладает элита «львов»-ретроградов, застойно. Напротив, элита «лис» динамична. Механизм социального равновесия функционирует нормально, когда обеспечен пропорциональный приток в элиту людей первой и второй ориентаций. Прекращение циркуляции приводит к вырождению правящей элиты, к революционной ломке системы, к выделению новой элиты с преобладанием в ней «лис», которые со временем перерождаются во «львов», сторонников жесткого подавления и деспотизма. Моска, развивая идеи Парето, полагал, что циркуляция элиты — залог здоровья общества, добавляя, впрочем, что все это — при условии преобладания стабилизационной консервативной тенденции, сохранения преемственного обновления элиты за счет лучших выходцев из масс.

Парето подразделял элиту на правящую и неправящую (контрэлиту). Революция, с его точки зрения,— всего лишь борьба и смена правящей элиты потенциальной элитой, которая, правда, маскируется тем, что говорит якобы от имени народа, вводя в заблуждение непосвященных (вскоре Б. Шоу напишет, что революции никогда не помогали скинуть бревно тирании, максимум, что они могут — это переложить его с одного плеча на другое). Итак, революция — не более, чем смена элит: старая элита, стоящая у власти, одряхлела, не способна к эффективному управлению, в обществе возникает новая потенциальная элита, но чтобы утвердиться в качестве правящей элиты, ей необходима поддержка масс, недовольных старым общественно-политическим строем. Она использует их как стадо баранов. И с их помощью пробивает дыру в ветхом заборе, ограждающем прежние порядки. Причем массы обычно остаются в дураках — новая элита «загоняет их в стойло» и порой экономический и политический гнет становится еще более жестоким и изощренным. Именно в таком плане многие элитаристы интерпретируют Октябрьскую революцию.

Нельзя не видеть и слабые стороны концепций классиков элитизма. Если принять их схему (и тем более абсолютизировать ее), теряет всякий смысл понятие прогресса, невозможно объяснить один из самых глубоких законов общественного развития — возрастания роли народных масс в истории. Критики отмечают и более частные их недостатки. Известный английский социолог Т. Боттомор справедливо считает, что из работ Парето не ясно, относится ли понятие «циркуляция элит» к процессу динамики неэлит в элиты или же к замене одной элиты другой². Действительно, обе интерпретации присутствуют у Парето, он часто пишет о том, что наиболее способные индивидуумы

¹ Pareto V. Les systems socialistes. Paris, 1902, p. 34.

² См. Bottomore T. Elites and Society. London, 1994, p. 49—50.

рекрутируются из низшей страты в высшую, а отдельные элементы элиты деградируют, опускаясь на дно общества. Вместе с тем несомненная заслуга Парето и Моски в том, что они выявили особую роль элиты в политическом процессе, сделали ее объектом специального исследования.

Истинна ли теория Парето, подтверждается ли она историческими фактами? Однозначный ответ на эти вопросы был бы упрощением, если не профанацией проблемы. Он будет отрицательным, если трактовать ее в том смысле (к чему склонялся сам Парето), что политическая история есть следствие смены элит, что она детерминируется элитами. Но в ней — большая доля истины, если трактовать ее более широко, как подчеркивание особой роли политической элиты в историческом процессе (имея в виду при этом, что смена элит — не определяющая причина политического процесса, а, скорее, его результат, его момент).

Нас, естественно, в первую очередь интересует вопрос о том, накладывается ли схема Парето на политический процесс в России? Произошла ли смена элиты «львов»-монстров тоталитаризма на посттоталитарных «лис»?

Тоталитарная элита и ее распад. Здесь вряд ли стоит подробно описывать «нашу» тоталитарную элиту. Она проанализирована М. Джиласом, М. Восленским, А. Авторхановым и другими. За семь десятилетий был создан правящий слой, кровно заинтересованный в сохранении тоталитарной системы, обладавший многочисленными привилегиями. Этот слой, выдававший себя за выразителя интересов рабочего класса, трудящихся, формировался большей частью отнюдь не из рабочих, а, скорее, из маргиналов и люмпенов (в том числе из интеллигенции, утратившей свои характерные черты и превратившейся в люмпен-интеллигенцию). Чаще всего это авторитарные личности, готовые во всем повиноваться вышестоящим бюрократам, конформистски принимать любые «руководящие установки» и неуклонно проводить «генеральную линию». Это была люмпен-аристократия, которая противостояла столь же люмпенизированной, деклассированной массе («разработанные» рабочие, «раскрестьяненные» крестьяне, маргинальные слои).

Этот слой часто называют классом. Что ж, он отвечает критериям класса, сформулированным В. Лениным. Три из четырех классовобразующих признаков (место в исторически определенной системе общественного производства, роль в общественной организации труда, способы получения и размеры доли общественного богатства) прямо относятся к тоталитарной элите. Сомнения у ряда социологов вызывает признак, который Ленин считал важнейшим — отношение к средствам производства. Но, как показал Джилас, так называемая «общественная собственность» являлась в действительности собственностью государственной и де-факто собственностью этого класса; близость к власти — аналог и замена юридического права частной собственности. Н. Бердяев писал: «...новая советская бюрократия, более сильная, чем бюрократия царская, есть новый привилегированный класс, который может жестоко эксплуатировать народные массы»³.

Да, это была элита жестокости, цинизма, приспособленчества. Тут утвердился принцип отрицательного отбора — порядочные, высокоинтеллигентные люди не могли пройти сквозь сито номенклатурной селекции (разве что в виде исключения или умело замаскировавшись под лояльную посредственность). В литературе встречаются суждения о том, что мы семь десятилетий жили без элиты, ибо действительно лучшие люди находились в эмиграции, были уничтожены или томились в лагерях. Это — суждения нравственные, аксиологические. Политолог не может не видеть, что властный процесс

³ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990, с. 175.

осуществлялся определенными институтами, определенными людьми, и именно в этом — функциональном, а не морализаторском — смысле политолог употребляет данный термин.

Можно выделить четыре поколения советской элиты. Для первого — «ленинской гвардии» — приоритетной была идея мировой революции; в ее костер они готовы были бросить страны и народы, включая свой собственный. Для второго и третьего поколений приоритетной была перевоплощенная имперская идея: усиление и расширение государства, превращение его в супердержаву. Второе поколение — сталинисты, дисциплинированные исполнители воли И. Сталина. Третье поколение — элита бюрократии и партийных функционеров (М. Вебер сказал бы, что оно соответствует периоду рутинизированной харизмы), лидерами которой были Н. Хрущев и особенно Л. Брежнев. Наконец, четвертое (и последнее) поколение советской элиты было весьма неоднородным, хотя тон в нем задавали реформаторы во главе с М. Горбачевым, стремившиеся модернизировать застойную социально-политическую систему. Трагедия этой элиты состояла в непонимании того, что тоталитарная система принципиально не реформируема.

Перестройка объективно, независимо от намерений ее инициаторов, с самого начала ориентировалась не на ликвидацию власти тоталитарной элиты, а на ее трансформацию, даже «облагораживание». Но курс на демократизацию и гласность, лозунг перехода к рыночным отношениям несли угрозу истеблишменту, подрывали устои власти тоталитарной элиты (хотя сам этот слой, существовавший, чтобы проводить «установки сверху», не мог открыто выступать против курса на перестройку, провозглашенного генсеком, и только скрыто ему противодействовал). Глубочайшее противоречие перестройки заключалось в том, что эту «революцию сверху» должна была осуществлять та самая бюрократическая элита, которая в душе ненавидела и боялась ее. И уже потому перестройка была обречена на провал с самого начала. Шесть лет перестройки были периодом резких персональных изменений в элите партийно-государственной бюрократии, вместо того чтобы быть временем ликвидации этого слоя.

Проводя политические преобразования, Горбачев пытался опереться на те структуры и властные механизмы, которые существовали, внося в них персональные изменения. Подобным образом действовал в свое время Хрущев, изгоняя из верхушки партбюрократии явных сталинистов, расставляя всюду «своих людей», но те предали его при первой возможности, ибо даже поверхностные реформы воспринимались как угроза интересам этого слоя. То же неминуемо произошло и с Горбачевым, которого предали в августе 1991 года «его» же люди, практически все его ближайшее окружение. Социологически это вполне расшифровывается: их корпоративные интересы оказались выше личной лояльности, более приоритетными в ценностной шкале этого слоя.

Интересно, что западные советологи в былые времена усиленно спорили о том, является ли тоталитарная элита СССР монолитной или же имеет место элитный плюрализм, и прежде всего конкуренция между партократической элитой, в руках которой был контроль над кадрами и идеологией, и технократической элитой, ведавшей экономикой. В бывшем СССР корпус элиты рекрутировался в первую очередь из партийных функционеров, а также хозяйственных руководителей, верхушки военщины, комсомольской бюрократии, деятелей культуры и науки, завоевавших авторитет и продемонстрировавших свою лояльность партократаии. Для придания видимости широкого социального представительства в эту элиту допускали проверенных, тщательно отобранных «номенклатурных» рабочих и колхозников. В конце перестройки произошло явное ослабление партийного контроля над экономикой. Но это не пошло на пользу партократической элите, напротив, выбило почву у нее из-под ног, приблизило ее крах. Я имею в виду такие события

последних лет перестройки, как упразднение отраслевых отделов ЦК КПСС, возникновение альтернативной экономики (появление коммерческих банков, формирование бизнес-элиты). Следующим ударом по номенклатурной системе, по партократической элите (традиционно закрытой) были первые относительно демократические выборы 1989 года, перемещение власти от ЦК КПСС к Верховному Совету, затем к президентским структурам, идеологическая дискредитация партократии.

Партийно-бюрократическая элита, позиции которой оказались потесненными, попыталась взять реванш. Она стала движущей силой путча 1991 года.

Элита уходит. Элита приходит. Подавление путча сломало становой хребет партократической элите. Но свято место пусто не бывает. На смену старой тоталитарной элите к власти приходит новая. Что она собой представляет? Чем отличается от предыдущей и что у них общего (а то, что это общее есть, подтверждается хотя бы тем, что многие члены новой элиты перешли в нее из старой)?

Новую элиту ряд политологов поспешили назвать демократической элитой. Однако, на мой взгляд, это несомненное забегание вперед. Не следует отождествлять понятия «посттоталитарная элита» и «демократическая элита». Во-первых, политическая система, приходящая на смену тоталитарной, далеко не всегда является демократической. Она может, в частности, быть авторитарной. Кроме того, на нынешнем этапе политической эволюции нашего общества явственно обнаруживается, что различия между старой и новой элитами не столь велики, как этого ожидали многие политологи⁴. Многие политологи не без оснований считают, что понадобятся годы и десятилетия для воспитания новой, подлинно демократической элиты.

Политическая культура не только старой, но в определенной мере и новой политической элиты отражает уровень политической культуры тоталитарного общества, в котором политическая апатия людей легко перерастает в политический экстремизм. Необходимо видеть, что демократические качества новой элиты должны еще развиваться. В этом плане интересны наблюдения политолога С. Вилькановича, отражающие польский опыт посттоталитарного развития. Он отмечает, что демократии в обществе (в том числе, очевидно, и у элиты) ровно столько, сколько демократической культуры. А ее усвоение — длительный процесс. Он может развиваться в нужном направлении, если его участники признают себя учениками в области демократии и не будут считать себя демократами потому только, что боролись с ее врагом — тоталитаризмом. «Борьба с тоталитаризмом вовсе не является — по крайней мере не обязана являться — школой демократии; бывает даже наоборот, так как во время этой борьбы демократические учреждения не могут правильно развиваться, а кроме того, почти всегда происходит какое-то заражение злом, характеризующим противника»⁵.

В нашей литературе чаще всего пишется о замене тоталитарной элиты новой, демократической. Однако тут возникает необходимость уточнить термин «демократический». Ведь вплоть до августа 1991 года он имел у нас вполне конкретное содержание, объединяя различные силы, выступавшие против

⁴ Это обстоятельство вполне объяснимо. И та и другая элиты состоят из людей, воспитанных в условиях долгих десятилетий господства тоталитаризма, который порождал определенную ментальность, определенные привычки и стереотипы поведения. А соперничество этих элит еще не означает их полную противоположность, порой близкие элиты конкурируют особенно ожесточенно. Вспомним в этой связи о смертельной схватке гитлеризма и сталинизма — двух вариантов тоталитаризма.

⁵ Вильканович С. Десять заповедей демократии в христианском разумении «Новый мир», 1992, № 1, с. 200.

монополии на власть партноменклатуры КПСС. Однако ныне, когда это господство ушло в прошлое, необходимо, чтобы термин «демократический» обрел новое, собственное содержание. Антикоммунизм не может быть основанием для отнесения его сторонников к демократам, среди антикоммунистов мы находим порой тех же сторонников диктатуры, будь то покойный З. Гамсахурдия или таджикские фундаменталисты. Поэтому, думается, будет правильнее заменить термин «демократическая элита» более нейтральным — «посттоталитарная элита».

Известно, что в демократических (или хотя бы в нетоталитарных) странах формирование будущей элиты (контрэлиты) происходит в недрах старой социально-политической структуры в среде политической оппозиции. Ситуация в странах СНГ в этом отношении весьма специфична. В условиях тоталитарной диктатуры указанный процесс деформируется, замораживается. Семь десятилетий попытки создания оппозиционных организаций у нас безжалостно подавлялись. Тяжелейшие репрессии обрушились на диссидентское движение, его лидеры либо гибли в тюрьмах и лагерях, либо вынуждены были эмигрировать. Формирование новой элиты было, таким образом, искусственно задержано. Этот процесс интенсифицировался лишь в конце 80-х годов. Новая элита формировалась частично в недрах КПСС из тех, кто боролся с ее консервативным большинством, и тех, кто, почувствовав новые тенденции, поспешил из карьерных соображений отмежеваться от партии и примкнуть к новым структурам, частично — из лидеров неформальных движений. Новая элита неоднородна (в отличие от старой элиты) — с точки зрения как политического «происхождения», так и компетентности, профессиональных качеств, идеологических ориентаций. Тоталитарную политическую элиту отличало единомыслие, внешнее «монолитное единство». Еретики из ее рядов безжалостно изгонялись, лишались возможности продолжать политическую карьеру. Посттоталитарная элита плюралистична идеологически и политически, взгляды ее большей части еще не сформировались.

Если сравнить данные, характеризующие некоторые качества элиты трех поколений: «брежневской», «горбачевской», «ельцинской», то можно увидеть, что «ельцинская» элита моложе по возрасту, ее образовательный уровень выше (заметно больший процент лиц, имеющих ученые степени), меньше доля «технократов» (лиц, имеющих техническое, сельскохозяйственное образование), зато значительно выше доля гуманитариев, особенно экономистов и юристов⁶.

Одно то, что в прежней политической элите абсолютно преобладали люди, получившие техническое образование, приводило к сильным технократическим тенденциям в социальном управлении. Достаточно сказать, что Госплан был более чем на 90% укомплектован инженерами, экономисты были редки, гуманитарии вообще отсутствовали. Такое положение в значительной мере относилось и к правительству, где даже министрами культуры были по большей части люди с техническим образованием. Сейчас этот крен несколько выравнивается. Тенденции роста гуманитариев в политической элите посттоталитарного общества еще более характерны для стран Восточной Европы. Социальной базой нынешней политической элиты в странах Восточной Европы стала интеллигенция, причем в подавляющем большинстве гуманитарная и художественная. (Попутно отмечу большую ценность сравнительного международного изучения процессов смены элит в постсоциалистическом обществе.)

Продолжу сравнение старой и новой элит. «Номенклатура», «неофеодальная элита» (термин Восленского) была элитой закрытой, элитой кабинетных интриг и подсиживаний, не умеющей обращаться с рядовыми гражданами и боящейся

⁶ См. статью О. Крыштановской в данном номере журнала.

их, элитой неинтеллектуальной, а порой явно антиинтеллектуальной, умеющей лишь отдавать приказы и карать несогласных. Посттоталитарная элита выше по своему интеллектуальному потенциалу (что, впрочем, относится больше к высшим эшелонам власти), выдвинута в значительной мере не «сверху», а «снизу» и уже потому умеет общаться с массами. Однако после того как она пришла к власти, быстро обнаружилось, что качества, которые нужны правящей элите, сильно отличаются от качеств, необходимых оппозиционерам. Когда требуется не столько выступать с зажигательными речами на митингах, сколько управлять обществом, управлять повседневно и квалифицированно, выяснилось, что новая элита сплошь и рядом не готова к этой новой роли. Те качества, которые были необходимы на первом этапе преобразований, не всегда хороши на втором, когда главное — кропотливая организационная работа по возрождению экономики, решению социальных и культурных проблем.

Пока же новая элита, как это подтверждается опросами общественного мнения, вызывает разочарование в народе. Все чаще высказываются мнения, что она компрометирует в глазах народа демократические преобразования. И дело не только в том, что она оказалась профессионально слабо подготовленной к управленческой деятельности. Профессионализм в конце концов дело наживное. Тем более, что в составе этой элиты способные молодые экономисты, политологи, другие специалисты. Сложнее дело обстоит с моралью. Новая элита сплошь и рядом не выдержала испытания властью.

И тут возникает деликатный вопрос: а возможна ли вообще элита без институциональных привилегий? И еще один, связанный с ним: если это и возможно, будет ли такая «дешевая» элита оптимальной? Ведь отсутствие всяких привилегий в условиях напряженной работы может помешать сформировать корпус политической элиты из действительно лучших, наиболее талантливых управленцев (иначе они могут уйти в бизнес или другие структуры). Высокие правительственные посты, не связанные ни с какими привилегиями, могут потерять для них привлекательность. Так не наивно ли рассчитывать на то, что элита будет состоять из подвижников, идеалистов, думающих только о том, чтобы бескорыстно и самоотверженно служить народу?

Западные политологи давно обсуждают этот вопрос. Тут сталкиваются леворадикальная и консервативная позиции. Первая исходит из того, что если элита будет обладать институциональными привилегиями, то она будет думать не столько об интересах народа, особенно его беднейших слоев, сколько о защите этих самых привилегий, и поэтому с течением времени превратится в группу, противостоящую народным массам. Носители консервативных умонастроений возражают, они досадливо отмахиваются от «назойливых» требований эгалитаристов. Зачем говорить только о привилегиях элиты? Подумайте сначала об ее огромной ответственности. Ведь если ее представители будут вынуждены думать о хлебе насущном, они с неизбежностью будут хуже управлять обществом. В результате общество в целом только потеряет.

Кто прав в этом споре? Многие полагают, что решение этой дилеммы — нахождение оптимума, «золотой середины», а точнее, нахождение той тонкой грани, когда необходимые для выполнения политических и иных функций права (пусть это будут по существу даже привилегии) не переходили бы в злоупотребления, чтобы элита не превращалась в группу, эксплуатирующую общество.

Произошла ли смена элит? Однако вернусь к центральному вопросу — состоялась ли смена элит в нашей стране? О смене элит в России с крахом тоталитарного режима свидетельствуют хотя бы регулярно публикуемые в «Независимой газете» персоналии политической элиты, из которых следует,

что более трех четвертей людей, оказывающих наибольшее влияние на политический процесс в России, за последние три года сменились. О том, каков характер этих изменений, среди российских и зарубежных политологов идут острые дискуссии, сталкиваются различные, порой противоположные точки зрения.

Первая, наиболее часто высказываемая точка зрения заключается в том, что переход от тоталитаризма к демократии сопровождается обязательной сменой элит — тоталитаристской на демократическую. Партноменклатура КПСС, узурпировавшая власть в СССР, сошла с политической арены; против нее и был направлен основной удар демократических преобразований. Процесс этот сопровождался попытками реванша (путчи 1991 и 1993 годов). Какие возражения встречает эта концепция? Демократия, как известно, — это власть народа, и ее сторонники — те, кто выражает думы и чаяния народа. Тогда можно ли считать подлинными демократами тех, чья политика привела к драматическому падению жизненного уровня народа и которая дает основания подозревать, что новая элита выражает интересы не большинства народа, а быстро обогащающегося (зачастую криминально обогащающегося) меньшинства. Сформировался новый истеблишмент, ориентированный на обслуживание интересов крупного российского капитала, складывающегося или уже сложившегося, в частности финансово-банковского и торгового капитала, а также агропромышленного, энергетического и военно-промышленного комплексов. Поэтому критики новой элиты говорят о демократах в кавычках.

Обратим внимание на вторую версию рассматриваемого явления, по которой смены элит вообще не произошло: прежняя, номенклатурная, в основном сохранилась де-факто, лишь перекрыв свой фасад — с парткратического на псевдодемократический, возникла неономенклатура. При этом обычно ссылаются на то, что в ряде республик и областей резких изменений в составе элиты не произошло, те же лица (в прошлом — партбоссы) просто пересели в новые кресла. Не является ли подобное суждение слишком поспешным обобщением, ведь можно привести и иные примеры. Во всяком случае, оно оправдано хотя бы отчасти.

Третья точка зрения близка ко второй, но она по-другому обосновывается. Смена элит — видимость. И ранее коммунистическая элита страной не управляла: призывы к светлomu коммунистическому будущему были лишь идеологическим камуфляжем, прикрывавшим вполне реальное господство бюрократической, чиновничьей элиты. Та же бюрократия правит и теперь, только прикрываясь, как фиговым листком, демократической фразеологией. Отчуждение власти от народа сохранилось, та же «партия начальства» опирается лишь на новые механизмы власти. Более того, переходный период, когда старые антирыночные законы уже не работают, а новые — рыночные — еще не созданы или еще не работают, для бюрократической элиты — лучшее, сказочное время, дающее ей такие права, о которых она раньше могла только мечтать. Именно она зачастую решает, разрешать или не разрешать преобразование тех или иных государственных предприятий в частные или акционерные, сдавать или не сдавать в аренду землю или городские помещения и кому именно. Отсюда — возможность получения громадных взяток, которые кладут начало созданию огромных состояний. Если прерогативой этой элиты ранее была власть, то теперь она дополнена собственностью, той самой приватизацией в интересах элиты, которую народ не без оснований окрестил «приватизацией».

Наконец, появился и четвертый вариант интерпретации проблемы смены элит. И коммунистическая, и демократическая элиты скомпрометировали себя (первая — репрессиями по отношению к собственному народу, вторая — безжалостностью в проведении «шоковой терапии» и заискиванием перед Западом), поэтому нужна еще более новая, «незапятнанная» элита. Один из тезисов избирательной кампании В. Жириновского звучал так: я и мои соратники

никогда не состояли в компартии и не замарали себя действиями демократов по ограблению собственного народа, нам можно верить, дайте шанс «новым людям».

Какая же из приведенных версий истинная? Не буду предвосхищать ответ на этот вопрос, который каждый должен решить для себя сам. Замечу, однако: ныне обнаружилось, что различия между старой и новой элитами не столь велики, это отнюдь не полярные противоположности. Напротив, власть, осуществлявшаяся до недавнего времени партноменклатурой, а ныне — новой элитой, унаследовала от старой так много, что кажется порой ее зеркальным отражением. Это в еще большей мере относится к кандидатам в «самоновейшую» элиту с их безудержной демагогией и пренебрежением к демократическим нормам (в том числе международным). Но, может быть, этому обстоятельству как раз и не стоит удивляться. И та и другая элиты воспитывались в условиях тоталитаризма и несут на себе груз его политической культуры. Все это говорит о том, что процесс смены элит, по-видимому, будет достаточно длительным.

Элитное образование. Результаты управленческой деятельности и старой, и новой элит свидетельствуют прежде всего об их низком качестве. А между тем качество элиты играет все возрастающую роль в развитии страны. Можно ли пустить этот процесс на самотек или же на него следует активно воздействовать? В последнем случае большое значение приобретает проблема элитного образования.

В современном мире процветающей может стать лишь та страна, та социальная система, которая создает максимальный простор для реализации творческих потенций людей, способна выявить их таланты, способствовать их развитию. В информационном обществе решающее значение имеют способности к инновациям, к нестандартному мышлению, к оригинальному решению проблем, многие из которых являются принципиально новыми для человечества (например, переход от государственно-монополитической системы, которую называли социалистической, к рыночной структуре). Поэтому общество должно активно искать, выявлять таланты, способности своих членов, поощрять их развитие. И решающую роль в этом процессе играет школа.

Век НТР застал российскую школу неподготовленной к новой ситуации; образовательная система переживает тяжелый кризис, во многом отражающий кризис всего общества. После Октябрьской революции безраздельно господствовали теория и практика единой школы. На определенном этапе она сыграла частично позитивную роль, в частности в провозглашении права на образование, ликвидации обширных зон неграмотности. Но единая школа, ставшая единообразной, порой просто серой, стандартизирует обучение. К тому же она в течение десятилетий осуществляла индоктринизацию учащихся. И задача видится в том, чтобы уйти от этого единообразия, одинаковости школы. Важным путем ее решения является дифференциация школьного обучения, прежде всего создание элитных школ. И тут с необходимостью возникает вопрос, весьма болезненный для нашего менталитета: совместимо ли создание элитных школ с социальной справедливостью?

Этот вопрос давно обсуждается в мировой педагогической литературе. В ней можно выявить два альтернативных подхода. Эгалитаристские критики элитного образования выдвигают следующие аргументы: элитные школы — вызов демократии, пережиток аристократических времен, социальный атавизм; элитные школы вредны, ибо они ставят детей в неравные условия, воспроизводят, поддерживают и закрепляют систему социально-классового неравенства. Собственно, аргументы критиков элитного образования хорошо известны, ибо это прежде всего марксистские критики. Их доводы не лишены оснований. Но известно также, что эгалитаристские теории в советской педагогике нанесли огромный ущерб образованию в России: они делали

среднее образование действительно «средним» из-за его посредственности, униформизма, игнорирования вундеркиндов, которые «ломают строй», и требования к педагогам обращать преимущественное внимание на «подтягивание» отстающих, которые во что бы то ни стало должны получить среднее образование.

Аргументы сторонников элитного образования не менее, если не более, весомы. Единая (и единообразная) система обучения не учитывает разнообразия личностных ориентаций, глушит индивидуальность, нивелирует учащихся, не стимулирует развития их талантов, уникальных способностей. В демократическом обществе наряду с государственной должна существовать независимая система образования, в том числе альтернативного, и пусть родители и дети выбирают ту систему, которая им больше подходит. А если одаренные дети из необеспеченных семей не могут оплатить обучение в дорогостоящих частных школах, то они имеют право на дотацию со стороны государства или благотворительных фондов, на стипендии, которые имеются во многих элитных школах. Эти школы — маяки образования, поле для экспериментов и одновременно спонсоры одаренных детей безотносительно к их социальному положению. Элитные школы готовы обучать таких детей бесплатно и даже платить им стипендии, ибо наличие одаренных детей в частных школах способствует общему повышению качества обучения в них.

Так все же: справедливо ли существование элитного образования? Для решения этого вопроса, на мой взгляд, следует различать элитное и элитарное образование.

Элитарное образование — образование детей узкого круга, в который входят люди по критериям знатности и богатства. Социологи обычно различают элиту «крови» (критерий знатности, господствующий в традиционном обществе), элиту богатства (в индустриальном обществе) и элиту знания (в информационном обществе). Поскольку элитарное образование — образование для выходцев из узкого круга, оно несправедливо, расточительно для общества: ведь в этом случае теряются таланты детей, семьи которых не входят в элиту.

Напротив, критерием *элитного* образования являются способности, таланты детей; оно не должно зависеть от происхождения и богатства родителей. Для усвоения ценностей, предложенных этой системой образования, необходим высокий уровень способностей. Различие элитных и элитарных школ видно хотя бы из того, что отпрыски богатых семей, поступив в элитную школу, просто не смогут в ней учиться, если не обладают высокими интеллектуальными способностями. Из такой школы они просто вынуждены будут уйти, ибо «не потянут», даже если их родители и заплатили немалые деньги за их обучение.

Отметим, что элитарное образование может быть одновременно и элитным и наоборот. Можно утверждать, что элитное образование возникло и развивалось в рамках элитарного (иначе и быть не могло в условиях социально дифференцированного общества). И если попытаться выявить историческую тенденцию, можно отметить, что постепенно круг детей, получающих элитное образование, расширяется и изменяется структурно: все большую роль при этом играют способности и все меньшую — богатство и знатность родителей. Можно утверждать, что дифференциация обучения и элитное образование как его часть соответствуют важнейшей тенденции современной цивилизации — процессу индивидуализации.

Наряду с общими чертами между элитарным и элитным образованием существуют различия, перерастающие в противоположность. Можно классифицировать первое как несправедливое, а второе — как соответствующее нашим представлениям о социальной справедливости. Ведь элитное образование не дискриминирует учащихся, для него не важны социальный статус их родителей, их национальность и другие социальные характеристики. В против-

положность этому элитарное образование, ориентированное на узкий социальный слой, ставит препоны «аутсайдерам», выходцам из неэлитарной среды, закрепляет посредством образования привилегированное положение определенных классов и социальных групп. Можно утверждать, что элитное образование совместимо с демократией, элитарное же, напротив, противоречит демократическим принципам.

Пороки элитарного образования давали и дают о себе знать в нашей стране как в условиях тоталитаризма, так и в условиях перехода к рынку. Я имею в виду престижные полузакрытые школы, в которые дети порой зачисляются «по блату» или за взятку, престижные вузы, где большие шансы для поступления имеют дети, родители которых могут нанимать дорогостоящих репетиторов, одним словом, учебные заведения, при приеме в которые, скорее, имеет место «конкурс родителей», чем детей. Ныне положение изменилось лишь в том смысле, что место старой партократической элиты заняла элита «демократических» чиновников и предпринимателей.

Совершенно очевидно, что ныне и в обозримом будущем общество не может функционировать без элиты. Значит, квалифицированную элиту, ориентирующуюся на высокие гуманистические ценности, нужно готовить и готовить загодя, по возможности планомерно. Известно, что коммуникационные навыки, в частности лидерство, формируются уже в раннем детстве, и поэтому для общества чрезвычайно важно распознавать и развивать способности его членов к лидерству. Именно в этом плане важна проблема элитного образования, которое может оптимизировать процесс смены элит в обществе.

© Г. Ашин, 1995